

люди и даты

«У КАЖДОГО СВОЯ ПТИЦА»

— К 60-летию Ионаса АВИЖЮСА —

«Художник, связанный множеством нитей с обществом, должен чувствовать гражданский долг — совершенствовать это общество, создавая духовные ценности, делающие Землю уютным домом для Человека».

Мне кажется, что эти слова лауреата Ленинской премии Ионаса Авижюса из книги «Интервью с писателями» можно считать его творческим кредо, ибо все созданное им звучит как присяга писателя-коммуниста, как клятва увековечить в крупных прозаических жанрах самые драматические перекрестки истории своего народа, показать нового человека, живущего в условиях развитого социализма, бичевать во имя лучшего будущего явления бюрократизма, омешанивания, девальвации чувств.

Новое всегда приходит через муки. Разве не это утверждает всем творчеством Ионаса Авижюса начиная с выпущенного в 1948 г. сборника рассказов и очерков «Первые борозды». Давайте вспомним развитие характера героя очерка «Человек остается человеком» — Домаса Раулиса, который взялся поднять экономик колхоза. В первом романе И. Авижюса «На стеклянную гору» (1961 г.) через духовную деградацию гимназиста Бенюса Жутаутаса обнажен кризис враждебной народу буржуазной идеологии. В романе «Деревня на перепутье» (1964 г.) показано укрепление социалистической жизни в литовской деревне. В романе «Потерянный кров» читаем об искалеченных войной судьбах. В романах «Цветы хамелеона» и «Дегимай» подняты волнующие общественность этические проблемы.

Стоя у дверей квартиры И. Авижюса, я еще не знала, о чем мы будем говорить. Всегда трудно начинать разговор с человеком, чьи книги стали твоими друзьями, чья личность окружена ореолом популярности и народной любви, который стоит на одной из высших ступеней художественной зрелости. Кроме того, доводилось слышать, что И. Авижюс вообще не из разговорчивых...

Ну да ладно, подумалось мне, волков бояться — в лес не ходить. И позвонила. Страха как не бывало. Вскоре мы уже сидели в просторной гостиной и дружески беседовали, переключаясь с темы на тему, разглядывали фотографии, на которых фотокорреспондент

нашей газеты Евгений Самойлович Шишко запечатлел события многолетней давности.

— Мы хотели бы к вашему 60-летию опубликовать некоторые из этих снимков. Вы бы не согласились прокомментировать их?

— Вот этот снимок был сделан в Румшишкес приблизительно в 1958 г. Мы, молодые тогда писатели, приехали к строителям Каунасской ГЭС. Разгуливали там, где сейчас плещется рукотворное море. Я собирался писать для «Тиесы» цикл очерков о рабочих. Вторая фотография — не такая давняя. Это 1976-й год. Я вернулся поездом из Москвы, где мне была вручена Ленинская премия. Коллеги на вокзале встретили меня и Альфонсас Малдонисас.

От фотографий разговор повернул к очередным планам. Писатель собирается на несколько дней отправиться в свою обычную «творческую лабораторию» — усадьбу на берегу озера Першокшны. Он говорит, что пора позаботиться о саде, обойти ульи. Деревня крепко вросла в душу этого человека. Словно угадав мою мысль, писатель говорит:

— Я крестьянин. Половина написанного мною — о деревне. Но ошибаются те, кто утверждает, будто я мгновенно отключаюсь на злобу дня. Пишу медленно. Сначала должна назреть внутренняя необходимость. Надо глянуть на события с определенного расстояния. Пишу я о том, что знаю, что видел, о чем слышал. Так и выходит, что мои темы — это перепутья села, следы войны, оккупации, классовой борьбы в человеческих судьбах. Правда, о самом процессе войны никогда не писал и писать не стану. На фронте я был недолго, в самом конце войны, но на всю жизнь так ужаснулся кровавой бойне, развязанной фашизмом, что дал себе слово никогда не описывать войны. После всего, что я испытал, такое писание кажется мне похожим на какую-то игру в войну. Пусть пишут историки.

Для писателя важно иметь свою тему, свой жанр. Мой жанр — роман, хотя я пробовал силы и в других жанрах. Разбрасываться уже некогда, когда тебе шестьдесят. Осталось написать несколько романов — и все. А аппетит растет...

— Надо полагать, один из этих будущих романов уже начат?

— Нет. Я сейчас правлю для

издательства журнальный вариант романа «Дегимай». На досуге пишу небольшие сказки. Думаю, что пора вернуться ко второй части «Потерянного крова». Треть ее уже давно написана. Когда-то я было решил не писать к романам продолжений. Чаще всего эти продолжения не оправдывают ожиданий ни читателей, ни самого автора. Но на этот раз, видимо, отступлюсь от принципа, потому что чувствую обязанность написать о драматичном и кровавом послевоенном периоде в жизни нашего народа.

— Будем надеяться, что эту книгу ожидает такой же успех, как и другие ваши произведения. Она должна стать достоянием многих народов. Это характерно для вашего творчества, которое находит читателя в разных странах мира. Интересно, на какие языки переведен «Потерянный кров», за который вы были удостоены Ленинской премии?

— Когда я писал его, то был уверен, что он будет близок и понятен только литовцам. Но сейчас он переведен на двадцать с лишним языков. Люди многих других национальностей принимают роман как собственную историю. В Чехословакии эта книга вышла уже четвертьмиллионными тиражами. В Узбекистане по «Потерянному крову» поставлен четырехсерийный

кинофильм, а в Азербайджане — телеспектакль. Недавно я получил вьетнамское издание своего романа. Такое признание — это большое счастье.

— Вам, видному советскому писателю, наверняка доводится получать множество писем, пригласений на различные встречи.

— Писем я действительно получаю много. Пишут рабочие, учителя, инженеры. Недавно написал мне один шофер, которого очень заинтересовали «Дегимай». Школьники часто просят прислать книги с автографами для школьных музеев. Пришло письмо из Перми с благодарностью за то, что я бичую страшное зло — пьянство. Не знаю даже, откуда там узнали о моем новом романе. Часто приглашают на встречи. Но повсюду мне просто не успеть, хотя в последнее время я езжу часто: побывал в Англии, Болгарии, ГДР, Венгрии, в Армении.

Ездил в Азербайджан на празднование 70-летия М. Ибрагимова, в Эстонию — на торжества в честь 60-летия Ю. Смуула. Я высоко ценю дружбу народов: в ней наша непобедимая сила. Думаю, что это нашло отражение и в моем творчестве. Свои мысли на эту тему я обещал изложить в статье для газеты «Правда».

— Как давний журналист

вы не забываете своей прежней профессии.

— Всегда с удовольствием вспоминаю свою работу в «Яунимо грядос» и «Тиесе». В эти годы оттачивалось перо, углублялось знание жизни.

— В этом году издательство «Вага» приступает к выпуску собрания ваших сочинений.

— Да. Первый том уже готов. А всего их будет семь.

— Не хочется ли вам написать книгу о Вильнюсе?

— По-деревенски сильно люблю Вильнюс. Думаю написать книгу, отражающую ритм городской жизни. Кстати, много вильнюсских мотивов было в «Цветах хамелеона».

х х х

«У каждого есть своя птица, поднимающая его на могучих крыльях над землей. Каждому светит свое созвездие, воплощающее бессмертие человека», — эти слова из романа Ионаса Авижюса «Дегимай» показались мне лучшим финалом для юбилейного интервью.

Ядвига ГОДУНАВИЧЕНЕ, корр. «В. Н.».

НА СНИМКАХ: за рабочим столом (1982 г.). Со строителями Каунасской ГЭС (1958 г.). Возвращение из Москвы, где И. Авижюсу была вручена Ленинская премия (1976 г.).

Фото Е. Шишко и А. Гилиса.

